

Мутные фрагменты то и дело всплывали перед глазами, невнятные обрывки звуков то затихали, то звучали вновь, скорбь непрерывно терзала душу, а незнакомый, но в то же время родной голос звал Чжи Юаня. Чжи Юань отчаянно пытался разглядеть лица тех двоих, но они неизменно были скрыты густой пеленой тумана.

— Кто вы?

.....

— Ох! — Чжи Юань тут же распахнул глаза и сообразил, что свалился с кровати. Он потирал всё ещё соображающие с трудом сонные макушку, сидел на постели и невольно застыл в оцепенении.

Пытаясь вспомнить образы из только что пережитого сна, он находил в памяти лишь несколько расплывчатых видений — воспоминания ускользали, оставаясь донельзя смутными. Чжи Юаня слегка подташнивало от головной боли. Неизвестно с каких пор ему то и дело стали сниться странные, ни с чем не сообразные сны; проснувшись, он никак не мог вспомнить, что именно ему привиделось. В памяти чётко отпечатались лишь двое людей, но в остальном — абсолютная пустота.

Немного поразмыслив, Чжи Юань поднялся с постели. Сам он не понимал почему, но у него упорно жило предчувствие: в будущем всё прояснится, а потому не стоило попусту ломать голову над этим сейчас.

Внезапно в сознании промелькнула картина: дождливый день, небо то и дело полосуют молнии, а он сам бежит по лесу куда-то вдаль.

Чжи Юань замер в недоумении, не до конца понимая, что он там вытворял. Впрочем, удивляться тому, откуда вообще взялись эти образы, не приходилось: из трёх способностей, которыми обладал Чжи Юань, описанное сейчас было проявлением лишь одной.

Первый дар Чжи Юаня назывался Проницательностью. Стоило его активировать, как глаза начинали видеть то, что обычно ускользает от взора, и замечать то, на что никто не обращает внимания. Впрочем, из-за нехватки нынешней силы предел его возможностей сводился к тому, чтобы видеть лишь чуть дальше и чётче.

Второй дар — Чтение Мыслей. Название говорит само за себя. Чжи Юань уже пробовал применять его на других, но обычно удавалось уловить от силы пару фраз, да и те звучали смутно, к тому же требовался обязательный физический контакт.

Путём бесчисленных экспериментов он выяснил: чем меньше человек защищается от него ментально, тем проще выудить больше сведений. Однако это легко могли заметить проницательные люди, способные ощутить чужое вторжение, так что приходилось соблюдать осторожность — однажды Чжи Юань едва не попался.

Третий дар носил название Восприятие. Чжи Юань считал его самым потрясающим. В отличие от первых двух, которые он мог активировать по собственному желанию, этот работал пассивно, но таил в себе нечто необыкновенное.

После долгих изысканий Чжи Юань понял: хотя способность и называлась Восприятием, она, судя по всему, состояла из двух частей — Чуткости и Предвидения.

Иногда он безо всякой видимой причины улавливал нечто чужеродное: то ощущение затылком, будто за ним кто-то наблюдает, то смутную угрозу опасности. А порой перед его внутренним взором внезапно возникали картины из будущего — пусть они всегда касались его лично, но случались крайне редко.

То слуга принесет какую-нибудь еду к его возвращению домой, то он сам вдруг нелепо шлепнется на ровном месте — всякие пустяки.

Пусть видения посещали его нечасто, Чжи Юань всё равно находил эту способность невероятной. Стоит ему научиться полностью её контролировать, и от неё наверняка будет огромная польза.

И только что промелькнувший образ в его голове оказался очередным предвидением. Это немного озадачило Чжи Юаня, поскольку места из видения он отродясь не видел. И хотя точное время исполнения предсказанного порой ускользало, с самим событием в итоге столкнуться всё же доводилось.

Правда, после пробуждения дара ему довелось предвидеть совсем немного — если сложить вместе, набралось всего три случая, но каждый выглядел из ряда вон выходящим.

В первый раз речь шла о еде, принесённой слугой. Когда видение только посетило его, охваченный любопытством Чжи Юань не стал есть принесенное блюдо, а вдобавок обнаружил, что пища отравлена. Во второй раз, когда он упал, сработала заложенная заранее осторожность: выяснилось, что кто-то задумал напасть из засидки, но благодаря подстраховке удар удалось заранее отразить и увернуться.

Оба прошлых происшествия имели для него колоссальное значение, заставляя раз за разом размышлять над происходящим. В конце концов он пришёл к выводу: он просто слишком слаб, а видит слишком мало. Если бы его сила возросла, возможно, в тот раз с ядом он бы увидел, как доедает отравленную пищу и погибает — и тогда он бы точно воздержался от еды, а не избежал её лишь благодаря праздному любопытству, в то время как видение показало лишь неопасные мелочи.

Именно поэтому Чжи Юань относился к этому со страшным трепетом. Но примеров пока набиралось слишком мало, вычленить какую-либо закономерность не получалось, так что оставалось лишь запоминать увиденное на будущее.

А уж что конкретно стрясется на сей раз — покажет время, оставалось лишь надеяться, что на этот раз дело обойдется без смертельной опасности.

.....

— Из века в век круговорот судьбы вершится! Явитесь же, нити времени! Сплетитесь, перекрёстки будущего!

В потаённом месте фигура в белых одеждах излучала призрачное золотое сияние — таинственное и мощное. Золотистые нити соткались из пустоты и заструились вокруг человека. Протянув руку, тот коснулся нитей, и они замерцали мягким золотым светом.

Долгое время спустя человек отнял руку от нитей, окружавшая его мощь постепенно утихла, и по легкому взмаху руки нити вновь скрылись, растворившись в долгой реке времени.

Постояв в задумчивости какое-то время, человек за скрытой маской легко улыбнулся:

— Будь по-сейму. В конце концов, заглядывать в чужое время — затея не из легких, к тому же повезло, что его сила еще мала, иначе всё свелось бы не к простой трате сил.

Затем он тяжело вздохнул и промолвил:

— Теперь-то я понимаю, как трудно другим было выслеживать нас в былые времена. И это мне еще помогло изначальное преимущество.

С этими словами он бросил взгляд вдаль.

— Интересно, как там сейчас дела? Впрочем, неважно, они должны справиться.

.....

Чжи Юань шагал по оживленной улице, среди снующих туда-сюда прохожих, чей разношерстный говор сливался в единый гул.

Город Минлэй располагался на стыке Области Грома и Царства Мин. Возвышаясь вместе с пятью соседними городами по самому периметру границ, он служил связующим звеном для взаимных визитов между двумя областями. Именно поэтому все шесть городов процветали, сочетая в отношениях торговое сотрудничество и жесткую конкуренцию.

Прохожие привозили с собой диковинные товары — кое-что из привезённого в Области Грома отродясь не видывали.

Сам Чжи Юань относился к этому без особого трепета. Опасности, предсказанные ему дважды до этого, как раз и были порождены межгородской враждой. Поскольку он являлся приемным ребенком, его использовали лишь как повод для задирок в адрес семьи Юань: раз уж он не кровный родственник, но всё же близк к главе клана, это делало его идеальной мишенью.

Это невероятно злило Чжи Юаня, ведь подобным образом они задевали клан Цзя. Подсунутый яд не был смертельным, но приятного мало; устроенная из засады атака хоть и не несла гибели, но сулила тяжелые увечья. И хотя Чжи Юань кипел от негодования, он понимал, что нельзя поддаваться на провокации и навлекать позор на семью Юань.

Хотя тогда, узнав обо всём, Юань Ле восстановил справедливость и заступился за него, во многих вещах Чжи Юань предпочитал разбираться сам.

Пока Чжи Юань предавался этим мрачным мыслям, в сознании внезапно возникло смутное предчувствие. Чжи Юань изумленно замер: хотя внутренний отклик являлся на зов чаще предвидений, но не больше пяти-шести раз за всё время — с чего бы ему заявляться именно сегодня?

Чжи Юань недоумевал, но тело действовало помимо воли — он тут же уловил направление зова. Это ощущение походило на странное проявление шестого чувства.

Всё было донельзя зыбким: стоило промедлить, и зов мог испариться в любую секунду, так что следовало поторопиться.

Чжи Юань метался из стороны в сторону, бросая взгляды то налево, то направо, пока в конце концов не очутился перед входом в Торговый союз Тяньюань. Уверенный, что именно это место манило его, юноша решительно шагнул внутрь.

И как назло, само предчувствие в этот момент стало заметно угасать, заставляя Чжи Юаня опрометью броситься на поиски источника.

Оказавшись в торговом зале, он лихорадочно прислушивался к внутренним ощущениям, но из-за сильного ослабления зова точное направление ускользало. Внутри всё сжалось от тревоги; круша взглядом всё вокруг, он быстрым шагом шел вперед и впопыхах налетел на какого-то прохожего.

Незнакомец остался стоять как вкопанный, а вот сам Чжи Юань шлепнулся на пятую точку. В ту же секунду странный зов оборвался. Чжи Юань испытал легкое разочарование, но тут же взял себя в руки, живо поднялся на ноги и поспешил извиниться перед тем, на кого налетел.

Сказав это, он поднял голову и увидел перед собой мужчину в белых одеждах. Крепкого телосложения, с копной коротких золотистых волос и маской на лице, скрывавшей всё, кроме глаз, чей цвет поражал — у него были разноцветные радужки.

Заметив столь странную внешность незнакомца, Чжи Юань невольно уставился на него. От мужчины исходило удивительно теплое чувство, и в глубине души Чжи Юань проникся к нему неожиданной симпатией.

Незнакомец ростом почти в два метра свысока глянул на метро с сорок ростом Чжи Юаня, не удержался от улыбки, потрепал мальчишку по голове и произнес:

— Смотри под ноги, а то снова в кого-нибудь врежешься.

От этих слов Чжи Юань смутился и густо покраснел: в конце концов, ему едва исполнилось тринадцать, и толстокожестью он пока не отличался.

Заметив смущение паренька, мужчина еще раз легко усмехнулся и уже собрался было уходить, как вдруг врезался в шедшего позади человека, сделал пару шагов назад и снова сбил с ног бедного Чжи Юаня.

Незнакомец молниеносно ухватил Чжи Юаня за шиворот, поставил на ноги и с напускной досадой бросил стоявшему за спиной:

— Хуамо, явился — так хоть голос подай, чего стоишь, смотришь, как я позорюсь.

Названный Хуамо тут же парировал:

— Сам не смотришь куда прешь, а еще на меня сваливаешь. Да и то, что ты вовремя не заметил преграду — твои личные проблемы, Шэньхуа.

Чжи Юань во все глаза уставился на новоприбывшего. Тот был облачен в черные одежды, с короткой серебряной стрижкой; лицо также скрывала маска с прорезями для глаз, но зрачки отливали зловещей кроваво-краснотой. Телосложением он обладал столь же крепким.

Рассматривая эту странную парочку, Чжи Юань невольно диву давался: пусть в их городе хватало чудачков в диковинных нарядах, эти двое превосходили всех разом. К тому же этот новичок выглядел куда суровее, от него веяло откровенной чертовщиной, но страха Чжи Юань почему-то не испытывал — к нему он чувствовал ровно такую же странную привязанность.

В этот момент оба незнакомца одновременно перевели взгляд на Чжи Юаня, переглянулись с усмешкой, а в следующее мгновение их силуэты качнулись и растворились в воздухе прямо у него на глазах. Ошеломленный Чжи Юань остолбенел, огляделся по сторонам — похоже, никто вокруг даже не заметил произошедшего.

Окинув взглядом зал еще раз, он заметил на полу два мешочка — один белого цвета, другой черного. Подобрал их и снова повертев головой, Чжи Юань решил, что эти кисеты обронили те двое, которых звали Шэньхуа и Хуамо — судя по всему, они потеряли их при столкновении и

ушли, так ничего и не заметив.

Чжи Юань постоял на месте в нерешительности, но хозяева пропажи возвращаться не спешили. Пришлось забрать вещи себе, чтобы вернуть их при следующей встрече.

Безуспешно побродив по торговому союзу еще немного и не обнаружив ничего примечательного — к тому же странный зов больше не повторялся, — Чжи Юань отправился домой.

А на улице те двое продолжали о чем-то спорить: сквозь шум толпы доносились упреки в адрес друг друга, пока они, препираясь и поминутно подталкивая товарища, не скрылись в неизвестном направлении.

Вернувшись домой, Чжи Юань заперся в своей комнате. Сейчас он жил совсем один, компаньонами ему были лишь собственные мысли, да и гости заходили крайне редко.

Усевшись на кровать, он мысленно прокрутил в голове утренние события и достал оба кисета, чувствуя легкое детское любопытство.

Материал, из которого были сшиты мешочки, Чжи Юань раньше не видел, но интуиция подсказывала, что ткань баснословно дорогая. Он решил заглянуть внутрь в надежде обнаружить подсказку, которая помогла бы разыскать владельцев.

Потянув за шнурок белого кисета, он увидел, как оттуда брызнули наружу несколько вещей. Оказалось, это были пространственные артефакты. Чжи Юань немало удивился, но, подумав секунду, успокоился и принялся рассматривать извлеченное.

В самом мешочке больше ничего не осталось — только эти три предмета. Первым оказалось письмо, вторым — нефритовая табличка, третьим — свиток. Всего три вещи.

Затем он развязал черный мешочек: из него тоже выпорхнули три предмета — каменный меч, нефритовый флакон и какая-то картина.

Оглядев все шесть артефактов, Чжи Юань счел их крайне странными. На вид хлам хламом, но он прекрасно понимал: простыми эти вещи быть не могут.

В конце концов, раз они хранились в пространственном хранилище, вряд ли это был пустой мусор. Первым делом Чжи Юань взял в руки свиток. В этом мире существовала особая профессия — мастера свитков.

Они умели создавать свитки самого разного толка: атакующие, защитные, вспомогательные и прочие. Для их активации требовалось лишь влить крохи энергии Юань.

Наряду с алхимиками и мастерами артефактов, создатели свитков составляли три великие вспомогательные профессии континента. Обеспечить их материалами всегда стоило баснословных средств, но и уважением они пользовались всеобщим.

Чжи Юань развернул свиток. Покуда в него не вливали энергию Юань, никакой опасности он не представлял. На развернутой бумаге витиевато вились сложные узоры, разобрать которые Чжи Юань не сумел, хотя и догадывался, что вещьца наверняка мощная.

Покрутив свиток так и эдак и не добившись толку, он отложил его в сторону и взял нефритовую табличку. На континенте такие таблички привыкли использовать для хранения самой разной информации: текстов духовных практик, техник Юань или боевых искусств, а порой и просто посланий или исторических хроник.

Чжи Юань приложил табличку ко лбу, считывая её содержимое. Внутри оказалась хроника прошлых лет, повествующая о битве на Горе Юаньшэнь двухвековой давности. Об этом событии Чжи Юань был наслышан — в те времена та бойня едва не стерла с лица земли все тринадцать великих кланов.

Семнадцать областей Континента Тяньюань, за вычетом отделившейся Дикой Области и особых Области Духов, Области Душ и Царства Мин, вмещали в себя тринадцать областей, в каждой из которых господствовал один могущественный клан. К примеру, клан Лэй в родной для Чжи Юаня Области Грома — каждый такой род являлся сильнейшим в своей вотчине.

На них лежала тяжелая ноша по поддержанию порядка в родных землях и сохранению мира на континенте. И вот тогдашние главы тринадцати кланов со своими лучшими людьми сошлись в битве на Горе Юаньшэнь, откуда едва живыми вернулись лишь единицы.

Подробности той бойни тринадцать кланов предпочитали держать всекcrete, и Чжи Юань знал лишь то, что некий храбрец пожертвовал собой ради спасения тринадцати родов. Кроме того, сопровождавший их тогда Бог Зверей после тех событий сложил с себя полномочия и канул в Лету, а Святой Дворец Тяньюань был разгромлен и постепенно стерт из памяти людей.

Табличка детально описывала то сражения на Горе Юаньшэнь. Пусть имен там не называлось, расставить всё по местам не составляло труда.

Под конец в тексте упоминалось, что бывший Бог Зверей и его предшественник по-прежнему живы и в любой момент могут вернуться.

Осознав масштаб открывшейся исторической тайны, Чжи Юань испытал жгучее волнение. Знание секретов прошлого всегда будоражило кровь.

Более того, Чжи Юань искренне восхищался тем безымянным героем, что отдал жизнь за других — пусть ему и в голову не приходило провести параллель с самим собой.

Сжимая в руке табличку, он вновь и вновь прокручивал в голове увиденные образы. Неизвестно почему, но его не покидало жуткое чувство дежавю: казалось, он вот-вот схватит за хвост какую-то мысль, но та ускользала.

В этот момент, оставшись без его внимания, на лбу мальчика проступил и тут же растворился крошечный узор — миниатюрная копия той самой формации, что являлась ему ранее. Он пару раз мигнул блеклым светом и пропал, а Чжи Юань ничего и не заметил.

Вскоре он пришел в себя, отложил табличку и перевел взгляд на последнее послание из белого кисета — письмо. Повертев конверт в руках, он обнаружил, что имя адресата не указано. Письмо уже было распечатано, но Чжи Юань сомневался, стоит ли ему читать чужие тайны.

Поразмыслив, он все же решил прочесть: в конце концов, если что, при возвращении просто принесет извинения. Вытащив листок, он увидел на нем всего одну фразу:

— Мы скоро увидимся.

Чжи Юань долго ломал голову над этими словами, но так ничего и не понял. На душе вновь скреблось смутное предчувствие, будто послание адресовалось лично ему.

Тряхнув головой, он отбросил эти нелепые мысли подальше и аккуратно убрал письмо.

С белым кисетом было покончено, на очереди стоял черный. Окинув его содержимым взглядом, Чжи Юань взял флакон и открыл его. В нос тут же ударил тонкий освежающий аромат, от которого в голове мгновенно прояснилось, а циркуляция энергии Юань, казалось, стала чуточку быстрее.

Узрев на дне изумрудно-зеленую жидкость, Чжи Юань поспешно закупорил флакон обратно.

Интуиция подсказывала, что перед ним редчайшее сокровище. Он принялся гадать, что же это такое, но на ум ничего не шло.

Бросив бесплодные попытки, он взял в руки свёрнутую полотном картину. Снаружи виднелся лишь уголок холста; развернув его, Чжи Юань ахнул. На полотне крался пейзаж, вобравший в себя всё: горы и реки, густые леса и бескрайние равнины, ледники, дожди и снегопады, раскаты грома и молнии, песчаные бури, одновременный закат солнца и сияние луны — казалось, в картине уместилась вся красота сущего мира.

Чжи Юань застыл, пораженный увиденным. Инстинктивно он чувствовал: с этой картиной что-то не так, но как ни всматривался, разгадать подвох не удавалось.

Внимательно изучая полотно, он легко провел пальцем по поверхности и после недолгих раздумий рискнул влить в холст капельку энергии Юань. Картина внезапно вспыхнула

ослепительным светом, заставив юношу замереть от неожиданности.

В таком оцепенении прошло немало времени, а за окном меж тем сгущались сумерки. В какой-то момент Чжи Юань очнулся — изрядно уставший, он массировал виски и с изумлением таращился на холст.

Для него это выглядело так: после вспышки света его сознание словно перенеслось внутрь картины, где он пережил бесчисленное множество сценок и постиг невероятно многое. Чжи Юань понял: это полотно написал поистине великий мастер.

Оказавшись внутри картины, он почерпнул массу нового о культивации, урожай оказался богатым, но это создавало ему немалые проблемы.

Вернувшись в реальность, Чжи Юань осознал, что этот артефакт был одноразовым. В нем таилось множество озарений о силе: хотя сам он постиг немало, часть увиденного всё еще лежала за гранью его нынешнего понимания.

Чжи Юань решил, что хозяева создали эту вещь для личного пользования, а теперь он невольно присвоил чужие плоды труда. И хотя сам холст уцелел, заключенная в нем первозданная воля и глубина безвозвратно испарились.

Он с досадой поскрёб в затылке, разрываясь между сомнениями: стоит ли вообще искать тех двоих? Если найти — выяснится, что он бессовестно истратил их сокровище, и тогда не миновать гнева; а если не искать — получается, он присвоил чужое добро, даже толком не зная, чьим оно было.

Поразмыслив на все лады, Чжи Юань решил вернуть пропажу. Чужого ему не надо, а за ошибки придется нести ответственность.

Взглянув на потемневшее за окном небо, Чжи Юань решил выйти на улицу в надежде отыскать тех двоих. Сложив вещи обратно в кисеты, он случайно коснулся пальцем каменного меча, и тот внезапно засиял.

Опешив от неожиданности, Чжи Юань не успел и глазом моргнуть, как меч залило ослепительное золотое сияние. Каменная корка с треском осыпалась, обнажив сверкающий серебристо-белый клинок с золотой гардой и перекрестием в виде затейливого креста.

В этот момент Чжи Юань испугался, что снова натворил каких-то бед, но прежде чем он успел погрузиться в панику, за спиной раздался голос.

Обернувшись, он с изумлением и легким смущением обнаружил у себя в комнате утренних знакомых и неловко поздоровался.

Те лишь улыбнулись в ответ, и мужчина по имени Шэньхуа промолвил:

— Похоже, наши вещицы всё-таки угодили к тебе.

Чжи Юань с виноватым видом кивнул:

— Простите. Я вообще-то хотел вернуть их вам, но не найдя вас, принес домой и от любопытства заглянул внутрь.

Шэньхуа отмахнулся:

— Пустяки. Мы сами их обростили, твоей вины тут нет.

Затем он бросил взгляд на пожитки и заметил:

— Ты ведь наверняка всё пересмотрел?

Чжи Юань кивнул:

— Я просто надеялся найти хоть какую-то зацепку, чтобы разыскать вас.

Стоявший рядом Хуамо подал голос:

— В картину ты тоже заглядывал.

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

Поняв, что отпираться бессмысленно, Чжи Юань во всем сознался и вкратце пересказал историю своего неожиданного озарения.

Выслушав его, Хуамо шагнул вперед и протянул руку. Чжи Юань мгновенно напрягся, но бежать даже не пытался — во-первых, он сам виноват, а во-вторых, сбежать от таких людей у него всё равно не получилось бы.

Однако вместо ожидаемой расправы Хуамо лишь легонько потрепал его по макушке и усмехнулся:

— Не бойся, я не собираюсь тебя съесть. Да и картина для меня уже всё равно бесполезна, так что можешь не переживать.

Шэньхуа тоже подтрунил над ним:

— Эту картину можно было использовать трижды, мы к тому моменту исчерпали её силу два раза, а третий лимит оставался под вопросом — так что ты весьма кстати помог нам её пристроить.

Чжи Юань понял, что они его просто успокаивают. В конце концов, даже если сам артефакт исчерпал ресурс, его можно было выгодно продать или обменять на что-то другое, но они говорили так намеренно, чтобы он не брал дурного в голову.

Чжи Юань немного расслабился, но все же настоял на своем:

— И всё же я воспользовался вашей вещью, а значит, должен возместить ущерб. Пусть сейчас у меня нет на это сил, но клянусь, в будущем я обязательно верну долг!

Шэньхуа и Хуамо переглянулись и весело рассмеялись. Шэньхуа подмигнул:

— Что ж, тогда возвращай. Будешь должен.

В комнате воцарилась непринужденная, радостная атмосфера. Те двое забрали нефритовую табличку, а письмо и картину тут же сожгли дотла брошенным факелом, оставив Чжи Юаня в полном недоумении.

Заметив его реакцию, Шэньхуа пояснил:

— Письмо мы всё равно уже прочли, к тому же его написал тот еще мерзкий тип, так что лучше пустить его по ветру. А раз картина свое отслужила, хранить её без толку, вот мы и сожгли их за компанию.

Чжи Юань натянуто улыбнулся на такое объяснение, а Хуамо кивнул на оставшиеся артефакты:

— Забирай всё это себе.

Чжи Юань опешил от неожиданности, но Хуамо лишь посмеялся над его вытянувшимся лицом:

— Разумеется, не даром. За всё в этом мире надо платить.

Вот это звучало куда разумнее. Чжи Юань тут же поинтересовался:

— Чего же вы хотите?

Они ответили вразнобой:

— Твоего будущего.

— Будущего?

Ожидай, когда подрастешь, Чжи Юань.

<http://bllate.org/book/21203/2146306>